

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [30 баллов] КУЛИНАРНАЯ КНИГА

*Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня,
что будут порционные судачки а натюрель. Виртуозная штука!*

М.А. Булгаков

Герои русской литературы по-разному относятся к еде и напиткам. Составьте небольшой (10–15 статей) сборник-словарь, посвящённый кушаньям и напиткам в русской литературе. Укажите имена персонажей, названия произведений, имена авторов, а также значение (возможно, символическое) этого кушанья или напитка в развитии сюжета или характера героя. Рецепты приготовления блюд приводить не обязательно. Оцениваются: количество статей, количество упомянутых произведений, фактическая точность, полнота объяснений.

Пример словарной статьи.

УХА. В басне И.А. Крылова «Демьянова уха» (1813) Демьян потчует ухой своего соседа Фоку и при этом становится настолько назойлив, упрашивая отведать ещё и ещё, что Фока не выдерживает и сбегает. Басня метит в графоманов, поскольку уха здесь – аллегория бездарных стихов и прозы, о чём говорится в финале басни. Выражение «Демьянова уха» стало крылатым в значении «нечто назойливо предлагаемое, навязываемое кому-либо в большом количестве».

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)

ДОЖДЬ

Мы бурили на новом полигоне третий день. У каждого был свой шурф, и за три дня каждый углубился на полметра, не больше. До мерзлоты ещё никто не дошёл, хотя и ломы и кайла заправлялись без всякой задержки – редкий случай; кузнецам было нечего оттягивать – работала только наша бригада. Всё дело было в дожде. Дождь лил третьи сутки не переставая. На каменистой почве нельзя узнать – час льёт дождь или месяц. Холодный мелкий дождь. Соседние с нами бригады давно уже сняли с работы и увели домой, но то были бригады блатарей – даже для зависти у нас не было силы.

Десятник в намокшем огромном брезентовом плаще с капюшоном, угловатом, как пирамида, появлялся редко. Начальство возлагало большие надежды на дождь, на холодные плети воды, опускавшиеся на наши спины. Мы давно были мокры, не могу сказать, до белья, потому что белья у нас не было. Примитивный тайный расчёт начальства был таков, что дождь и холод заставят нас работать. Но ненависть к работе была ещё сильнее, и каждый вечер десятник с проклятием опускал в шурф свою деревянную мерку с зарубками. Конвой стерёг нас, укрывшись под «грибом» – известным лагерным сооружением.

Мы не могли выходить из шурфов – мы были бы застрелены. Ходить между шурфами мог только наш бригадир. Мы не могли кричать друг другу – мы были бы застрелены. И мы стояли молча, по пояс в земле, в каменных ямах, длинной вереницей шурфов растягиваясь по берегу высохшего ручья.

За ночь мы не успевали высушить наши бушлаты, а гимнастёрки и брюки мы ночью сушили своим телом и почти успевали высушить. Голодный и злой, я знал, что ничто в мире не заставит меня покончить с собой. Именно в это время я стал понимать суть великого инстинкта жизни – того самого качества, которым наделён в высшей степени человек. Я видел, как изнемогали и умирали наши лошади – я не могу выразиться иначе, воспользоваться другими глаголами. Лошади ничем не отличались от людей. Они умирали от Севера, от непосильной работы, плохой пищи, побоев, и хоть всего этого было дано им в тысячу раз меньше, чем людям, они умирали раньше людей. И я понял самое главное, что человек стал человеком не потому, что он Божье создание, и не потому, что у него удивительный большой палец на каждой руке. А потому, что был он физически крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил своё духовное начало успешно служить началу физическому.

Вот обо всём этом в сотый раз думал я в этом шурфе. Я знал, что не покончу с собой потому, что проверил эту свою жизненную силу. В таком же шурфе, только глубоко, недавно я выкайлил огромный камень. Я много дней бережно освобождал его страшную тяжесть. Из этой тяжести недоброй я думал создать нечто прекрасное – по словам русского поэта. Я думал спасти свою жизнь, сломав себе ногу. Воистину это было прекрасное намерение, явление вполне эстетического рода. Камень должен был рухнуть и раздробить мне ногу. И я – навеки инвалид! Эта страстная мечта подлежала расчёту, и я точно подготовил место, куда поставлю ногу, представил, как легонько поверну кайлом – и камень рухнет. День, час и минута были назначены и пришли. Я поставил правую ногу под висящий камень, похвалил себя за спокойствие, поднял руку и повернул, как рычаг, заложенное за камень кайло. И камень пополз по стене в назначенное и вычисленное место. Но сам не знаю, как это случилось, – я отдёрнул ногу. В тесном шурфе нога была помята. Два синяка, три ссадины – вот и весь результат так хорошо подготовленного дела.

И я понял, что не гоюсь ни в членовредители, ни в самоубийцы. Мне оставалось только ждать, пока маленькая неудача сменится маленькой удачей, пока большая неудача исчерпает себя. Ближайшей удачей был конец рабочего дня, три глотка горячего супу – если даже суп будет холодный, его можно подогреть на железной печке, а котелок – трёхлитровая консервная банка – у меня есть. Закурить, вернее, докурить, я попрошу у нашего дневального Степана.

Вот так, перемешивая в мозгу «звёздные» вопросы и мелочи, я ждал, вымокший до нитки, но спокойный. Были ли эти рассуждения некой тренировкой мозга? Ни в коем случае. Всё это было естественно, это была жизнь. Я понимал, что тело, а значит, и клетки мозга получают питание недостаточное, мозг мой давно уже на голодном пайке и что это неминуемо скажется сумасшествием, ранним склерозом или как-нибудь ещё... И мне весело было думать, что я не доживу, не успею дожить до склероза. Лил дождь.

Я вспомнил женщину, которая вчера прошла мимо нас по тропинке, не обращая внимания на окрики конвоя. Мы приветствовали её, и она нам показалась красавицей – первая женщина, увиденная нами за три года. Она помахала нам рукой, показала на небо, куда-то в угол небосвода, и крикнула: «Скоро, ребята, скоро!» Радостный рёв был ей ответом. Я никогда её больше не видел, но всю жизнь её вспоминал – как могла она так понять и так утешить нас. Она указывала на небо, вовсе не имея в виду загробный мир. Нет, она показывала только, что невидимое солнце спускается к западу, что близок конец трудового дня. Она по-своему повторила нам гётевские слова о горных вершинах. О мудрости этой простой женщины, какой-то бывшей или сущей проститутки – ибо никаких женщин, кроме проституток, в то время в этих краях не было, – вот о её мудрости, о её великом сердце я и думал, и шорох дождя был хорошим звуковым фоном для этих мыслей. Серый каменный берег, серые горы, серый дождь, серое небо, люди в серой рваной одежде – всё было

очень мягкое, очень согласное друг с другом. Всё было какой-то единой цветовой гармонией – дьявольской гармонией.

И в это время раздался слабый крик из соседнего шурфа. Моим соседом был некто Розовский, пожилой агроном, изрядные специальные знания которого, как и знания врачей, инженеров, экономистов, не могли здесь найти применения. Он звал меня по имени, и я откликнулся ему, не обращая внимания на угрожающий жест конвоира – издалека, из-под гриба.

– Слушайте, – кричал он, – слушайте! Я долго думал! И понял, что смысла жизни нет... Нет...

Тогда я выскочил из своего шурфа и подбежал к нему раньше, чем он успел броситься на конвойных. Оба конвоира приближались.

– Он заболел, – сказал я.

В это время донёсся отдалённый, заглушённый дождём гудок, и мы стали строиться.

Мы работали с Розовским ещё некоторое время вместе, пока он не бросился под гружёную вагонетку, катившуюся с горы. Он сунул ногу под колесо, но вагонетка просто перескочила через него, и даже синяка не осталось. Тем не менее за покушение на самоубийство на него завели дело, он был судим, и мы расстались, ибо существует правило, что после суда осуждённый никогда не направляется в то место, откуда он прибыл. Бояться мести под горячую руку – следовательно, свидетелям. Это мудрое правило. Но в отношении Розовского его можно было бы и не применять.

(1958)

Вариант 2. Стихотворный текст.

Александр Петрович Межиров (1923–2009)

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЁННОМ ИМЕНИ

От зелёного поля села
До зелёного поля стола,
По которому крутится-вертится шар заказной
В знаменитой пивной,
В «Метрополе»,
Деревенского парня судьба довела,
Как тогда говорили, по божеской воле.
Вскоре сделался он игроком настоящим. А это
Многokrатно усиленный образ поэта,
Потому что великий игрок
Это вовсе не тот, кто умеет шары заколачивать в лузы,
А мудрец и провидец, почти что пророк,
С ним, во время удара, беседуют музы.
Как поэт, он обидой ничтожной раним,
Как игрок, ненадёжной удачей храним,
Потому что всегда Серафим
Шестикрылый свои простирает крыла
И над ним,
И над полем зелёным стола,
По которому крутится-вертится тот партионный
Или этот, поменьше, в котором «своя»,
Кариолисовы утверждая законы,
Куш, делённый на доли, кому-то суля.
В святцах смысла особого не разумея,
В честь Есенина перекрестили Егора в Сергея
Игроки игрока. И в назначенный срок
Первородное имя к нему возвратилось. Игрок
Кий сменил на пророческий посох
И творит не на аспиде шульцовских досок,
А на белых страницах – проводки рифмованных строк.
Что прославить ему суждено,
Поле сельское, или сукно,
По которому...
Впрочем, не всё ли равно.
У поэзии нет преимущества перед игрой –
Вечный бой – лишь бы только остаться собой.
Ни к тому и ни к этому лиру его не ревную, –
Всё присущее миру в гармонию входит земную.

<1960-e>

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.